

EXPANSION

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ДАБОГ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л55

Разработка серийного оформления *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Н. Плутахина*

Ливадный, Андрей Львович.

Л55 Дабог / Андрей Ливадный. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Expansion. История Галактики).

ISBN 978-5-04-089746-9

Земля стоит на пороге экологической катастрофы. Природные ресурсы исчерпаны, но перенаселенную Солнечную систему окружают колонии «Первого Рывка», четыреста лет развивавшиеся в полной изоляции от метрополии. Они не желают принимать в свое общество «лишних людей», от которых желает избавиться Земля. В этой ситуации правительство Земного Альянса решает данную проблему по-своему, с позиции грубой силы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089746-9

© Ливадный А.Л., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Группа пилотов, оживленно переговариваясь между собой, шла по длинному, изгибающемуся плавной дугой коридору космического корабля.

Фосфоресцирующие надписи на стенах — большие красные стрелы, указывающие в одном направлении, — повторяли одно и то же:

«ВНИМАНИЕ! ВХОД В СТАРТОВЫЕ ОТСЕКИ!
ПРОВЕРЬ УРОВЕНЬ ГЕРМЕТИЗАЦИИ!»

— ...Такая свинья, говорит мне: Майкл, твоя жизнь висит на волоске, и волосок тот протянут над вакуумным утилизатором крейсера, представляешь, какая сволочь?!

— ...А что тебе говорили, отправляя сюда?

— ...Эти уроды с десятой палубы вчера в баре...

— ...Эй, а кто-нибудь знает, что за операция предстоит?

Последняя фраза обратила на себя внимание большинства членов растянувшейся по коридору группы.

— Ты что, не понял, Рощин?! — Среди наступившей вдруг тишины хохотнул здоровенный темнокожий пилот с нашивками лейтенанта на рукаве мягкого термопоглощающего костюма. — Дядя Хаммер решил усыновить еще одно блудное дитя, сечешь? Или ты смотришь на обзорные экраны, только когда там показывают мультики?

Молодой светловолосый парень, голубоглазый, без намеков на смуглость — прямо сама противоположность лейтенанту Сейчу — молча проглотил замечание насчет своих пристрастий.

— Его в тюрьму забрали прямо из роддома, — с наигранной укоризной в голосе весело заметил другой пилот, подмигнув лейтенанту. — Он не досмотрел в детстве, а ты смеешься!..

— Ладно... — Пилот, к которому относились все эти колкости, казалось, не обратил на них должного внимания. — Я серьезно спрашиваю — куда летим?

— Ну, знаешь, Рошин... — развел руками Сейч, подойдя к огромным створам ангара. — Тебе же ясно сказано — очередное поселение. Запихивать его будем, под задницу.. то бишь под эгиду Всемирного правительства... — поправился лейтенант.

— А они хотят? — Рошин посмотрел на командира механизированного взвода, который как раз вставлял карточку допуска в щель считывающего устройства.

— Еще как... — оскалился тот. — Думать-то надо головой, а не задницей, пилот! Упертые они все, эти колонисты... — с досадой констатировал он, получив назад свой пропуск. — Наши предки на них горбатились, строили колониальные транспорты, технику там разную, оборудование... А они что? Знать нас теперь не хотят?

— Ага... — поддержал лейтенанта другой пилот, с нашивками сержанта. — Свалили с Земли на девственные планеты, а теперь смотри — нос воротят. Чистенькие они.

— Конечно, чистенькие, — вступил в разговор еще один офицер, и его гогот затравленным эхом метнулся по коридору, — они же улетели, а в дерьме остались мы...

— Ну ты-то, допустим, не тогда родился! — поддела его единственная женщина из числа шагавших по коридору пилотов.

— Знаешь, Делакруа, а мне плевать! — вдруг серьезно огрызнулся офицер. — Почему они не хотят подвинуться? Мало места на их планетах, что ли?

— Ну, у Всемирного правительства тоже места хватает, только они-то тоже не больно с нами делятся! — раздался чей-то голос из-за спины.

— Эй, я не понял, что за дебаты? — вдруг насупился Джон Сейч. — Дядю Хаммера решили помянуть? Смотрите, — предупредил он, окинув остановившуюся группу пилотов помрачневшим взглядом. — Кто нарвется за такие разговоры — вытаскивать не буду! Наше дело — зачистка территорий и овладение местностью. А думать будут другие. Вопросы есть?

Дураков не нашлось. Как только речь зашла о лояльности к Всемирному правительству Земного альянса, возглавлял который президент Джон Хаммер, разговор как-то зачах, словно ручеек, добежавший до песчаной осыпи и впитавшийся в нее.

— Все. — Сейч отошел от открывшегося прохода. — Два часа на тестовые проверки машин, зарядку боекомплектов и прочую нудистику, — посмотрев на хронометр, подытожил он. — И не забудьте — кто проявит себя в предстоящей операции лучшим образом, получит гарантированный вид на жительство на этом, как его там...

— Дабог, — подсказал ему сержант Петч, — тот, который прошелся по поводу тюрьмы и роддома, откуда якобы забрали Рощина.

— Вот именно, Дабог, — согласился с ним лейтенант. — Лично я собираюсь написать семье, чтобы собирали шмотки, — мрачновато усмехнулся он. — И запомните, — Сейч повысил голос, — мне плевать на этих колонистов и не плевать на свою семью. Они хотят жить. Мне надоела убогая квартирka на макушке мегаполи-

са, и луны Юпитера тоже осточертели. А кто думает по-другому, может писать рапорта. Ты, — он вдруг резко обернулся и посмотрел на Рощина, — отправишься в свою вонючую тюрьму, назад, к параше, а ты... — взгляд Джона уперся в грудь Петча, — в криогенную капсулу, где принято держать таких недоносков... Продолжать?! — Он обвел взглядом помрачневшие лица и не встретил ни одного направленного ему в глаза взгляда.

— Так-то. Каждый из вас получил шанс выбраться из бочки с дерьмом, и путь к светлому будущему для вас лежит через рубку управления серв-машиной. Так что меньше думайте — легче жить будет. Особенно это касается тебя, Рощин, — прищурился он. — Не люблю я таких, понял?

Андрей поднял взгляд и посмотрел на лейтенанта.

— А я не прошу меня любить... — сквозь зубы процедил он.

— Сэр, — напомнил ему Сейч. — Ты забыл добавить слово «сэр», пилот.

Глаза Рощина сузились.

— Сэр... — с неохотой выдавил он.

— Вот так. — Лейтенант с очевидным усилием разжал кулаки. — Выкинешь что-нибудь в бою — кончу тебя, мразь, — вдруг пообещал он и, не дожидаясь ответа, развернулся и зашагал по узкому проходу к тому месту, где коридор разветвлялся на три рукава.

«СКАФАНДРОВЫЙ ОТСЕК»

«АНГАР БОЕВЫХ МАШИН»

«ПРЕДСТАРТОВЫЙ НАКОПИТЕЛЬ»

Так гласили надписи на указателях направлений.

Часть первая

АКЦИЯ УСТРАШЕНИЯ

ГЛАВА 1

Из секретного доклада комиссии по переселениям:
*«Адресовано: Джону Уинстону Хаммеру,
президенту Земного альянса.*

Дата: 16 мая 2606 года.

Сэр!

В ответ на ваш запрос о положении дел с миграцией населения докладываем, что нами, совместно с седьмым отделом Военно-космического флота, проведена детальная разведка звездных систем, находящихся в радиусе одного стандартного прыжка от границ Альянса.

В результате обнаружено девятнадцать пригодных для освоения планет. Посадка на поверхность не осуществлялась. Результаты аэрофотосъемок с позиции дальних орбит, а также данные сканирования электромагнитных диапазонов показали, что все обнаруженные планеты заселены, предположительно потомками членов экипажей колониальных транспортных Первого рывка. Наличие спутников связи и метеорологического контроля на низких планетных орбитах указанных миров и некоторые характерные признаки, обнаруженные при аэрофотосъемке, как то: ночное освещение населенных пунктов, развитая инфраструктура дорог и т. д., позволяют прогнозировать высокий технический уровень развития обнаруженных колоний.

Особенно приходится выделить три мира. Из данных радиоперехватов и телепередач установлены их названия. Это планеты Дабог, Элио и Рори. По последней планете имеется дополнительная информация относительно безвоздушного спутника Стеллар, на котором обнаружены признаки герметичных подземных поселений...»

*Девятое июня 2607 года по летосчислению Земли.
Планета Дабог. Раннее утро*

Вывеска на фасаде здания гласила:

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИИ ДАБОГА»

Чтобы попасть ко входу в одноэтажную, приземистую постройку, которая издали казалась всего лишь вросшей в землю макушкой чего-то большего, скрытого от посторонних глаз в толще переплетенной корнями почвы, нужно было миновать высокий бетонный забор с неуклюжими охранными вышками по углам периметра, пройти по аллее небрежниц (такое название получили мутировавшие на Дабоге земные ивы), и только тогда окажешься перед тяжелыми, клепаными створами ворот, расположенных в конце аллеи.

Это, собственно, и был вход в Национальный музей истории Дабога.

Этим утром первая группа посетителей появилась сразу после девяти часов. Небо было безоблачным, воздух — звонким и ясным. Голоса ребят раздавались в тиши аллеи неестественно громко. Возглавлявшая группу учительница остановила детей перед угрюмыми бронированными створами древних ворот.

— Ребята... — Она подняла руку, требуя внимания. — Сейчас мы войдем в музей. Это будет вашим первым уроком истории. Здесь, в этом здании, все сохранено в том виде, каким оно было на заре освоения планеты. Тут вам покажут Дабог, каким его увидели наши далекие предки четырехста лет назад. А теперь пойдете...

Преподаватель — молодая, можно даже сказать юная, стройная девушка лет восемнадцати-девятнадцати, — не колеблясь, нажала кнопку, прятавшуюся в углублении стены, сбоку от ворот. Очевидно, что она уже не в первый раз приводила сюда группы учеников начальных классов, только приступавших к изучению курса истории и экзобиологии родной планеты. Для нее это была серьезная, увлекательная практика после окончания высшего учебного заведения.

Дарья Дмитриевна Кречетова, вчерашняя выпускница государственного университета Дабога, поправила выбившуюся из-за уха прядку волос и улыбнулась кому-то из ребят.

Огромные, массивные створы ворот дрогнули и начали открываться, медленно расползаясь в стороны.

Дети, которые несмотря на присутствие учителя, возбужденно перешептывались между собой, невольно притихли, глядя на движение двух многотонных плит.

Помещение, которое открылось за ними, выглядело достаточно тесным.

— А мы поместимся там? — забеспокоился кто-то из ребят.

— Не волнуйся, поместимся... — мягко успокоила его Даша, делая шаг вперед и подавая тем самым пример остальным.

Класс вслед за ней послушно потянулся внутрь квадратного тамбура. Когда все вошли, тесно обступив

единственного взрослого, ворота дрогнули и начали также медленно смыкаться, отсекая солнечный свет.

Это оказалось и любопытно, и жутковато одновременно. Кто-то из девочек взвизгнул...

Учительница улыбнулась, успокаивая детей.

— Сейчас мы с вами находимся в так называемом «шлюзе» — переходной камере, расположенной между внешним миром и внутренними помещениями бункера, — объяснила она притихшей детворе. — Несколько веков назад атмосфера нашей планеты хоть и содержала в себе достаточно кислорода для дыхания, но была опасна для человека из-за множества чуждых нам микроорганизмов. Поэтому наружу приходилось выходить в защитных костюмах и герметичных шлемах. Здесь, в этой камере, вернувшихся с поверхности людей ждала процедура дезинфекции...

Словно в подтверждение ее слов под потолком вспыхнул резкий неприятно голубой свет ультрафиолетовых ламп, а из крошечных отверстий в стенах потянуло горячим, сухим, пахнущим медикаментами воздухом.

Ребята стояли, тесно прижавшись друг к другу, заинтригованные, озадаченные и немного испуганные. Все это было так непохоже на их родной Дабог.. Неужели когда-то давно теплая, приветливая планета действительно была настолько враждебна к их предкам, что тем приходилось прятаться под землей, за оболочками из бетона и стали?! Трудно представить — чтобы выйти на улицу, нужно было надевать громоздкий скафандр со шлемом!.. Совсем как в космосе...

Потоки неприятно пахнущего воздуха наконец иссякли, и внутренние створы шлюза принялись открываться так же медленно и неторопливо, как это делали наружные.

За расплзающимися в стороны массивными плитами открылся длинный, тускло освещенный коридор с голыми бетонными стенами, от которых, казалось, исходил холод.

Кто-то из ребят не выдержал и поежился.

— Да, ребята, история Дабога начиналась именно так, — произнесла Дарья Дмитриевна, делая шаг в коридор. — Когда колониальный транспорт «Беглец» совершил посадку на поверхность планеты, его приборы показали, что люди не могут дышать местным воздухом, хотя он и содержал тридцать пять процентов свободного кислорода. Планету нужно было преобразовать, приспособить к привычному для людей метаболизму, но как это было сделано?

Никто из ребят не решился ответить на заданный вопрос.

Впрочем, их молчание было вполне закономерно и ничуть не расстроило молодую учительницу.

— Чтобы выжить в первые годы после посадки, нашим с вами далеким предкам пришлось построить под поверхностью планеты систему бункеров, — объяснила она, жестом обратив внимание детей на холодные, серые стены вокруг. — Сначала на поверхность планеты высадились машины. Они принялись рыть первые убежища, а триста тысяч человек в это время продолжали спать на борту колониального транспорта. Все они были погружены в так называемый криогенный сон. О нем вы узнаете позже на уроках биологии человека.

Она обвела взглядом столпившихся в тесном и мрачном коридоре бункера учеников и продолжила:

— Первые годы освоения полны трагизма, непреодолимых, казалось бы, трудностей и самоотверженности тех людей, которых по мере постройки все новых и новых убежищ будили автоматы. Тяжелая планетар-

ная техника помимо организации новых подземных поселений постепенно соединяла уже оборудованные бункеры сетью тоннелей. Люди, прожившие несколько лет в изоляции друг от друга, наконец получили возможность общаться не только через экраны компьютеров и средства телефонной связи, но и лично. Собравшись вместе, они сравнили результаты биологических исследований, полученных из разных точек на поверхности Дабога, и решили, что должны полностью видоизменить лик негостеприимной планеты, для того чтобы их потомки смогли вернуться к привычному, естественному для человека существованию.

В этом месте своего отрепетированного на предварительных занятиях доклада молодая учительница почувствовала, что сама волнуется не меньше, чем окружившие ее ребята.

— А сейчас мы пройдем по коридору и попадем в зал, где вы увидите Дабог таким, как он представился нашим далеким предкам. Прошу вас, дети, не пугайтесь, стойте рядом со мной и смотрите. Никакой опасности нет, потому как все, что вы увидите, — это лишь имитация, искусно сделанные муляжи, управляемые компьютером.

С этими словами она пошла вперед, увлекая за собой притихшую стайку учеников.

В конце коридора начали медленно открываться еще одни ворота и...

Великий боже, что за ними творилось!

Земля. За полтора года до событий на Дабоге

Невысокого роста человек стоял у занимающего всю стену панорамного окна, слушал, размышлял и одновременно смотрел вниз, в узкую, бездонную расселину улицы, которую, повторяясь на бесчисленных уровнях

этажей, украшали сполохи разноцветных голографических реклам.

Стеклянные стены высотных зданий, чьи фасады образовывали безобразную, с его точки зрения, всемирно известную площадь Пяти Углов, поднимались вверх, к грязно-серым кислотным облакам. За стенами, как в аквариуме, можно было без труда разглядеть десятки тысяч человек, спешащих по сугубо личным и в большинстве своем праздным делам, в бесконечном броуновском движении частичек сверхбольшого и крайне перенаселенного города.

В последнее время прозрачные стены прочно вошли в моду, и даже власти Всемирного правительства не хватило, чтобы запретить такие фасады здесь, на бесконечно повторяющихся уровнях площади Пяти Углов...

Как будто вид этой требушины большого города может доставлять удовольствие или вызывать любопытство... — с нотками раздражения в мыслях решил про себя он. — *Огромный, тупой, своенравный муравейник, где каждый мнит себя крылатой маткой...* — опять с досадой подумал он, но от окна не отошел — видимо, картина одновременно движущихся в замкнутых пространствах фигурок все же чем-то притягивала, завораживала его.

Джон Уинстон Хаммер считал себя человеком глубоко и прогрессивно мыслящим. В принципе он не ошибался в такой самооценке. С высоты собственного положения, будто с крыши небоскреба, многие проблемы видятся несколько иначе. Как человеческие фигурки сливаются на дне улицы в безликую, лишённую индивидуальностей серую шевелящуюся массу, так и отдельные драматические эпизоды политики теряют свою остроту, если наблюдать за ними с высоты неограниченной власти.